

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Андрей Юрьевич Митрофанов

**Император Андроник Комнин в поэзии
Вольфрама фон Эшенбаха**

Очерки по истории Ренессанса XII века

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2022

УДК 94(495).03+821.112.2'04-392

ББК 63.3(0)4+84(0)4

М67

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р22-212-0272

Рецензенты:

Архимандрит Филипп (Симонов Вениамин Владимирович) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Дмитрий Игоревич Макаров — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского, профессор, заведующий кафедрой библеистики и богословия Екатеринбургской духовной семинарии, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ответственный секретарь книжной серии «Paradeigmata Byzantina».

Митрофанов А. Ю.

М67

Император Андроник Комнин в поэзии Вольфрама фон Эшенбаха. Очерки по истории Ренессанса XII века : монография / Андрей Юрьевич Митрофанов ; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2022. — 276 с.

ISBN 978-5-906627-99-5

Монография доктора исторических наук, профессора кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии Андрея Юрьевича Митрофанова завершает трилогию, посвященную истории Византии в эпоху династии Комнинов, и рассказывает о судьбе известного авантюриста, племянника талантливой писательницы Анны Комниной — императора Андроника I Комнина (1183-1185). Автор исследует основные этапы его биографии и обнаруживает параллели с литературной судьбой Гамурета Анжуйского, одного из главных персонажей рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Жизнеописание Гамурета было создано Вольфрамом явно под влиянием различных культурных мотивов, которые свидетельствуют как о широкой исторической эрудиции немецкого миннезингера, так и о его знакомстве с международной политикой своего времени.

Рекомендуется преподавателям и студентам богословских учебных заведений, теологических факультетов светских вузов, а также широкому кругу византинистов и медиевистов и всем, интересующимся эпохой Крестовых походов и средневековой культурой.

УДК 94(495).03+821.112.2'04-392

ББК 63.3(0)4+84(0)4

ISBN 978-5-906627-99-5

© Митрофанов А. Ю., 2022

© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2022

Образ правителя, справедливого к окружающим. Предисловие к книге

Когда за предисловия берутся маститые писатели, они обычно пишут в жанре «как эту книгу написал бы я, если бы эту книгу писал я». Пишущий эти строки — к сожалению, не можем отрицать — человек не безгрешный, но, надеемся, что в списке наших прегрешений *mania grandiosa* отсутствует. Что же! Будем следовать шаблонным пунктам стандартного предисловия, обращенного к молодому читателю.

Сразу скажем, что чтение еще в рукописи книги Андрея Юрьевича Митрофанова нас захватило. И здесь полагается высказать автору похвалу за своевременно созданную книгу, за выбор актуальной темы исследования. Беда, однако, в том, что для нашего поколения людей, сформировавшихся в брежневские времена, в этой похвале присутствует ложка дегтя. Всем памятливы тогдашние требования актуализировать все и вся, всенепременно искать в каждой теме исследования «связь с современностью» ...

Если говорить о 70-х — начале 80-х годов прошлого века, то в данном вопросе можно обнаружить много путаницы. С одной стороны, пресловутая «связь с современностью» была директивным требованием, обращенным к каждому советскому историку; с другой же стороны, большинство наивных людей полагали эту связь как проведение параллелей между событиями прошлого и настоящим, в чем «недреманное око» какого-нибудь неистового ревнителя устоев уже могло усмотреть крамолу. При этом в те доперестроечные времена ряд советских авторов приобрел статус властителей дум именно в силу безудержной актуализации прошлого. Рискуя — чаще и не очень сильно, — они буквально опрокидывали образ настоящего в прошлое. Выигрыш был очевиден — сразу приобрелись морализаторский тон, особый профетический стиль и, конечно же, огромная аудитория почитателей.

Одним из благодеяний начавшейся Перестройки стало снятие требования актуализировать все и вся. Вопреки опасениям,

читателя не захлестнул поток безадресных публикаций. В массе своей наделенные интеллектуальной и моральной ответственностью, отечественные историки писали свои труды не «из ниоткуда в никуда», а создавали исследования, соотносясь с насущными проблемами науки и общества. Корпоративные представления о профессиональной честности многих уберегли от разного рода соблазнов. Вот почему уже в авторском введении к своей книге А. Ю. Митрофанов считает нужным подчеркнуть, что это не труд германиста. Разумеется, автора необходимо принять в той ипостаси, в которой он уже принят профессиональным сообществом как в своем Отечестве, так и (после успешной защиты докторской диссертации в Лувенском университете) за пределами Отечества — современный византинист. Именно современный исследователь истории Византии, что включает в себя не только весьма и весьма хорошее знание древних языков (древнегреческого, латинского, средневерхненемецкого, старофранцузского), современных германских языков (немецкого и английского), а также романских языков (французского, испанского, итальянского), кроме того, умение читать и толковать литературные произведения, написанные на этих языках. Здесь Андрей Юрьевич скромничает, так как сделанные им в несомненно эпическом по размаху рыцарском романе в стихах германского средневекового миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1200–1210 гг.) реминисценции старинных немецких преданий о становлении и доблести рыцарского сословия, старофранцузских поэм, например, неоконченной поэмы Кретьена де Труа, а самое главное, исторических эпизодов, связанных с жизнью и деятельностью византийского императора и авантюриста Андроника Комнина, — все это говорит и о широте и глубине литературных интересов автора, но и о тщательной проработке средневекового немецкого текста, которую мог сделать человек, знакомый с германской филологией и увлеченный ею. Скромность, объединенная с обширными знаниями, — качества, присущие настоящему русскому интеллигенту.

Читателям же постарше должно быть памятно, что в число властителей дум русского общества последней трети XX века

прочно входил ведущий советский византист Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004). Это было отмечено сверхчутким ко всему современному поэтом Андреем Вознесенским в стихотворении «Есть русская интеллигенция»:

Есть русская интеллигенция.
Вы думали — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.
Есть в Рихтере и Аверинцеве
земских врачей черты —
постольку интеллигенция,
постольку они честны.

Сегодня список *вызывает* вопросы, ибо исчезла фигура властителя дум. В фельетоническую эпоху его сменила обезьянья пародия — блогер (типичный анонс: «Шестилетняя девочка-блогер обрела полмиллиона подписчиков!»). Морализировать по этому поводу не будем, ибо помним, какие бонусы ожидают нищих духом в ином мире.

С. С. Аверинцев вошел в отечественную науку в тот период, когда в ней в качестве языка русской научной прозы безраздельно господствовал (по выражению К. И. Чуковского) *канцелярит*. В публикациях же Аверинцева читателей покоряло невиданное богатство лексики, органическое использование давно ушедших синтаксических конструкций.

Источники своего стиля и, в целом, мировоззрения не скрывал и сам Аверинцев, когда в выступлении в 1982 году на торжественном заседании Московского Отделения Союза Художников, посвященном 100-летию П. А. Флоренского, Сергей Сергеевич указал на книгу, сформировавшую его личность на студенческой скамье — «Столп и утверждение истины». Ясно, что для исследователя не прошло бесследно и соприкосновение с наследием русского академического (т.е. связанного с Духовными Академиями) византиноведения.

Но не только из-за красот стиля к исследователю тянулись его современники. В творчестве византиниста человек

позднесоветской эпохи находил ответы на волновавшие его вопросы. В статьях, книгах и редких публичных выступлениях Аверинцева, собиравших несметное число слушателей, люди той эпохи явственно слышали мысль о невозможности построить цельную личность на основе безверия и атеизма. Узнавали, как верующему жить и вести себя в условиях неправового государства, когда власти контролируют и мировоззрение, и вероисповедание личности.

Что же молодой читатель (и стоящий перед выбором истории как профессии, и студент-историк, еще не выбравший узкую специализацию, и просто интересующийся историей) может почерпнуть из общения с книгой современного византиста?

Пример А. Ю. Митрофанова убеждает нас, что выбор глобальной, кажущейся порою непосильной темы (а в случае с Андреем Юрьевичем — это становление и развитие канонического права) приводит к формированию масштабного, высокопрофессионального историка. Именно эта высокопрофессиональная оснастка А. Ю. Митрофанова позволила ему, увлекшись побочной темой (творчеством Вольфрама фон Эшенбаха), выявить свой, неожиданный аспект исследования и успешно его выполнить. Результаты немалого труда, положенного на освоение древних языков (греческого и латыни), споспешествовали затем в плодотворном изучении новоевропейских языков, что помогло исследователю делать самые оригинальные сравнения фрагментов из произведений античных и средневековых авторов.

Выбор А. Ю. Митрофановым в качестве прототипа одного из героев романа «Парцифаль», Гамурета Анжуйского, византийского аристократа, кузена императора Мануила, императора восточной части Римского государства Андроника Комнина (правда, императором он стал в 63 года и управлял государством всего 2 года) был не только не случаен, но и закономерен.

Образ правителя, защитника, воина, справедливого по отношению к окружающим, но лишённого законной власти, на которую он мог претендовать как царский отпрыск, и вынужденного большую часть жизни скитаться по разным странам. Этот

образ с определенными оговорками подходит и к Гамурету Анжуйскому, и к Андронику Комнину.

Вольфрам фон Эшенбах пишет о Гамурете:

Он, окруженный громкой славой,
Ей не кичился никогда.
Душа его была тверда,
Как ясен был рассудок здравый...

Никита Хониат в «Истории» описывает Андроника Комнина: «Он был доступен для всех, кто приходил жаловаться на самоуправство и насилие, не разбирал лиц и не отнимал прав у справедливого... Он обуздал хищничество вельмож... помогал бедным подданным щедрыми подавниями... год управлял делами без порфиры и царской диадемы».

Скромность, дружелюбие, чувство справедливости — личные качества, делающие честь и тому, и другому герою.

Единственная тень, падающая на светлый облик героев, это любвеобилие и постоянные измены прекрасным дамам, которые, по чести говоря, первыми признаются в любви к героям.

И Гамурет, и Андроник Комнин прекрасные воины, наделенные огромной силой:

Высокая видна мне цель,
Меня пьянит победы хмель...

О странствованиях Гамурета сказано:

И наш герой уплыл далеко:
Сражался в Персии, в Марокко —
О нем в Алеппо и в Дамаске
Доселе сказывают сказки.
Его копьё врагам грозило,
Не одного оно сразило...

Список стран Востока и Запада, по которым странствовал Андроник Комнин, включает: Месопотамию, Сирию,

Иерусалимское королевство, Палестину, Антиохию, Киликию, Венгрию, Армению, Иверию (Грузию), Пафлагонию, города Бейрут, Дамаск, Багдад, Белград. Более того, он был гостем галицкого князя Ярослава Осмомысла, значит, ему была знакома Киевская Русь. Сочетание стран Запада и Востока, находившихся в длительном противостоянии, обусловленном несовместимостью христианства и ислама в вопросах веры, показывает большие дипломатические способности обоих героев, их политическую гибкость и умение в житейском смысле приноравливаться к разным обстоятельствам.

В этом смысле книга А. Ю. Митрофанова станет собеседником для тех, кто размышляет над проблемами взаимоотношений Запада и Востока. География новостных лент сейчас та же, что и в хрониках эпохи Крестовых походов (Сирия, Палестина). Невиданная волна ближневосточных мигрантов в страны Западной Европы к этой традиционной географии конфронтации добавили Елисейские Поля, Сен-Дени, улицы и площади старинных немецких городов...

А. Ю. Митрофанов касается проблемы взаимоотношений Запада и Востока в эпоху далеко не бесконфликтную, при этом указывая на те событийные островки, где происходила взаимообогащающая рецепция. Плодотворной нам представляется и мысль автора об исторически подвижном характере границы между Западом и Востоком.

В любом отношении произведение А. Ю. Митрофанова требует большого напряжения для пытливого ума и даст много полезных сведений не только молодому, но и зрелому читателю.

Андрей Владимирович Березкин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры церковной истории
Санкт-Петербургской духовной академии

Слово к завершению трилогии

Наша книга «Император Андроник I Комнин в поэзии Вольфрама фон Эшенбаха. Очерки по истории Ренессанса XII века» рассказывает о судьбе известного авантюриста, племянника талантливой писательницы Анны Комниной — Андроника Комнина, который более известен читателям как византийский император Андроник I (1183–1185).

В книге исследуются основные этапы биографии Андроника I и обнаруживаются параллели между этой биографией и литературной судьбой Гамурета Анжуйского, одного из главных персонажей рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Сопоставление жизненного пути Андроника Комнина и приключений литературного героя Гамурета открывает новые возможности для реконструкции источников романа Вольфрама фон Эшенбаха.

Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что Андроник Комнин, кровавое царствование которого во многом предопределило падение Константинополя в 1204 году, приобрел широкую известность в Западной Европе уже к концу XII столетия благодаря литературному творчеству такого крупнейшего представителя «Ренессанса XII века» как Вильгельм Тирский. Благодаря посредничеству Вильгельма Тирского Вольфрам фон Эшенбах заимствовал основные сюжеты для жизнеописания Гамурета.

Так, например, история неудачной египетской экспедиции византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) и иерусалимских крестоносцев стала сюжетной основой для описания Вольфрамом приключений Гамурета в Египте и Индии. Бегство Андроника Комнина и его возлюбленной, Иерусалимской королевы Феодоры Комниной, к сирийским сельджукам и на Кавказ было использовано Вольфрамом в рассказе о службе Гамурета арабскому халифу. Социально-политический строй киданьского государства Западные Ляо с его традициями женского правления стал источником для создания образа царицы Белаканы.

По всей видимости, Вольфрам был знаком с сочинением Вильгельма Тирского благодаря переложению этого сочинения на старофранцузский язык, который немецкий поэт хорошо знал. Об этом свидетельствует колоссальное количество галлицизмов в средневерхнемецком тексте его романа.

Как представляется, жизнеописание Гамурета было создано Вольфрамом фон Эшенбахом под влиянием различных культурных мотивов, которые свидетельствуют как о широкой исторической эрудиции немецкого миннезингера, так и о его знакомстве с международной политикой своего времени.

Книга «Император Андроник I Комнин в поэзии Вольфрама фон Эшенбаха. Очерки по истории Ренессанса XII века» завершает трилогию, посвященную истории Византии в эпоху династии Комнинов, подводя итог нашим научным изысканиям последних нескольких лет. Ранее в Издательстве Санкт-Петербургской духовной академии вышли наши монографии «Император Алексей I Комнин и его стратегия» (2020) и «Время Анны Комниной» (2021).

Среди читателей данной книги мы надеемся видеть самый широкий круг византинистов и медиевистов, а также всех, кто интересуется эпохой Крестовых походов и средневековой культурой.

А. Ю. Митрофанов

Вступление. Венец Константина

Никита Хониат (1155–1217), византийский историк комниновской эпохи, описывая переворот, совершенный Исааком Ангелом 12 сентября 1185 г., упоминает очень красноречивый эпизод. Когда жители Константинополя и вооруженные солдаты в доспехах собрались в соборе Святой Софии, где скрывался Исаак Ангел, они объявили императора Андроника I Комнина (1182–1185) низложенным и сразу же провозгласили новым императором римлян Исаака. Тогда некий юноша поднялся по лестнице над киворием, осенявшим престол, снял висевший над престолом венец императора Константина Великого (306–337) (τὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου στέφος, ὃς ἐρᾷ ἄνωθεν ἀπὸ τῶν τραπεζῶν τῆς μυστικῆς) и затем возложил его на голову Исаака Ангела¹. Исаак сопротивлялся и не хотел принимать на себя императорский сан. Его дядя престарелый Иоанн Дука снял с себя шапку и умолял солдат возложить венец Константина на его лысину, но восставшие не желали, чтобы преемником престарелого

Вольфрам фон Эшенбах.
Миниатюра из «Гейдельбергского
песенника» (Манесского кодекса)
Cod. Pal. Germ. 848, Fol. 44

¹ Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von I. A. Van Dieten. CFHB 11/1. Vol. I. Berlin; New York, 1975. P. 345, 78–85. Никита Хониат завершил работу над своей «Историей» после 1207 г. Примерно в это же время писали Робер де Клари, Жоффруа де Виллардуэн и Вольфрам фон Эшенбах.

Андроника стал еще один старик. Исаак был вынужден подчиниться толпе и почти что вопреки собственной воле принял тот самый венец, на который некогда кощунственно покусился император-иконоборец Лев IV Хазар (775–780). Согласно легенде, восходящей к придворной пропаганде времен царствования императрицы Ирины (780–802), венец Константина поразил тогда нечестивого императора смертельной язвой².

Традиция использовать венец или корону великих предшественников была заложена не Львом IV Хазаром, но имела давние истоки. Патриарх Никифор сообщает нам интересную деталь, сопровождавшую борьбу за власть между преемниками императора Ираклия (610–641). Когда после кончины Ираклия (11 февраля 641 г.) его сын от Фабии Ираклий Константин начал борьбу против мачехи, императрицы Мартины, среди прочего он похитил из Великой Церкви императорский венец отца. Украденный венец незадолго до этого был возложен на голову покойника во время погребения в церкви Святых Апостолов. После смерти Ираклия Константина 25 мая 641 г., венец Ираклия был посвящен Богу и отдан в Великую Церковь Ираклоном, сыном Ираклия и Мартины. Этот венец стоил 70 литр золота³. Этот венец был некогда изготовлен специально для Ираклия, который короновался им в Кизике вскоре после переворота в 610 г.⁴ Не исключено, что как Лев IV Хазар, так и сторонники Исаака Ангела использовали именно драгоценный венец Ираклия, принимая его за венец Константина. Последующие события показали, что и Исааку венец не принес ни удачи, ни счастливого правления.

Венец Константина или же в действительности венец Ираклия, названный венцом Константина и хранившийся на протяжении веков в соборе Святой Софии, приобрел

² Theophanis Chronographia / Hrsg. von K. de Boor. Vol. I. Leipzig, 1883. P. 453; Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus. Bd. I. München, 1978. S. 53–103; B. II. S. 423–492.

³ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / Text, transl. and comm. by C. Mango. Washington, D. C., 1990. P. 80. 3–6.

⁴ Theophanis Chronographia... P. 299. 10–14.

в комниновскую эпоху важное символическое значение. Обладание венцом или короной Константина стало в это время важным признаком легитимизации власти императора Восточной Римской Империи. Ибо при Комнинах противостояние византийских императоров и германских королей, претендовавших на корону римских императоров, вновь серьезно обострилось. Притязания германских королей на римскую корону освящались папами, которые некогда узурпировали право распоряжаться императорской короной, ссылаясь на подложный документ каролингского времени, известный под названием «Константинова дара». В 800 г. папа возложил императорскую корону на франкского короля Карла, который с точки зрения ромеев был самозванцем.

Пытаясь восстановить историческую справедливость, император Алексей I (1081–1118) в 1112 г. вел переговоры с папой Пасхалием II (1099–1118) о признании римским понтификом исключительных прав своего сына Иоанна на титул римского императора, обещая папе взамен церковную унию и военную помощь против германского короля Генриха V (1106–1125)⁵. Император Мануил I (1143–1180), внук Алексея I и двоюродный брат Андроника I, в 1166 г. включил в свой титул особое упоминание о том, что он является «наследником короны Константина»⁶. Вероятно, подобное добавление к императорскому титулу было связано с попыткой Мануила утвердиться в северной Италии после провала похода против сицилийских норманнов. Мануил пытался вырвать у папы Александра III (1159–1181) признание исключительных прав византийского императора на наследство Константина Великого, воспользовавшись борьбой папы с германским королем Фридрихом Барбароссой (1152–1190). Из латинских источников времен Третьего Крестового похода известно, что титул «наследника короны Константина» использовал

⁵ Die Chronik von Montecassino / Hrsg. von H. Hoffmann. Hannover, 1980. S. 514.

⁶ Classen P. Die Komnenen und die Kaiserkrone des Westens. Helmut Beuman zum 65. Geburtstag // Vorträge und Forschungen: Ausgewählte Aufsätze von Peter Classen. Sigmaringen, 1983. Bd. 28. S. 172–185.

Исаак Ангел, что находит объяснение в упомянутом рассказе Никиты Хониата. Подобное обстоятельство позволяет утверждать, что этот титул употреблялся также императорами, которые царствовали после Мануила и до Исаака, а именно Алексеем II (1180–1183) и Андроником I, который превратил борьбу с латинянами в главную цель своей политики.

Импровизированная коронация Исаака Ангела венцом Константина в изложении Никиты Хониата удивительным образом напоминает провозглашение императором самого Константина, которое произошло почти за девять веков до этого. После смерти тетрарха Констанция Хлора во время похода против пиктов и скоттов 25 июля 306 г. Константин был поднят на щит и провозглашен августом солдатами своего отца и аламаннскими дружинниками короля Крока в Эбораке (Йорк)⁷. Языческие историки Аврелий Виктор и автор Эпитомы о цезарях, известный под именем Псевдо-Аврелия Виктора, единодушны в утверждении, что Константин узурпировал власть. Панегирист Евмений сообщает легенду о том, что Константин будто бы не хотел принимать верховную власть и даже пытался ускакать от собственных солдат на коне, вонзив в его бока шпоры⁸. Как бы там ни было, август Максимиан Галерий отказался признать Константина, своего бывшего подчиненного, равным себе, оставив ему лишь титул цезаря, а августом назначил своего друга и собутыльника Флавия Севера. Спустя два года, 11 ноября 308 г., на съезде тетрархов в Карнунте Диоклетиан и Максимиан Галерий вновь не признали Константина августом, назначив на место погибшего Флавия Севера сослуживца Галерия Лициниана Лициния. Константин и Максимиан Даза получили на Карнунтском съезде титулы «сыновей августа», что означало окончательный распад второй тетрархии⁹.

⁷ Euseb. VC I, 22; Aur. Vict. XL, 3–4; Epit. XLI, 3.

⁸ Eumen. I, 7–8.

⁹ Barnes T. Christentum und dynastische Politik (300–325) // Usurpationen in der Spätantike. Stuttgart, 1997. S. 99–110; *Idem*. Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford, 2014. P. 61–66; *Idem*. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982. P. 68–80; *Idem*. Constantine

Коронация как Исаака Ангела, так и его кровавого предшественника Андроника Комнина т. н. венцом Константина выражала зримую историческую, правовую и политическую преемственность императорской власти Восточной Римской Империи. Политическая система Империи на исходе эпохи Комнинов удивительно напоминала период ее зарождения. Узурпатор Исаак Ангел, как до этого его предшественник узурпатор Андроник Комнин подобно Константину опирался на поддержку армии. Солдаты утверждали легитимность узурпаторов¹⁰. Император, коронованный венцом Константина, отождествлялся с Константином и воспринимался как продолжатель его дела. Репрезентация Константином собственной власти на монетах, относящихся к позднему периоду его правления, была хорошо известна в средневековой византийской литературе. Константин изображался в качестве кормчего или рулевого, который управляет кораблем, символизирующим христианскую ойкумену¹¹. Главной задачей римского императора, по мнению Юстиниана I (527–565), высказанному им в 530 г. консулам Лампадию и Оресту, было управлять делами царственного города, т. е. Константинополя, и всей вселенной: «*vel in hac regia civitate vel in orbe terrarum, qui nostris gubernaculis regitur*»¹². Подобная же мысль повторялась Константином VII Багрянородным (945–959) в биографии деда, императора Василия I Македонянина (862–886)¹³. Василий Македонянин в повествовании внука рассуждает о значении императора и собранного в 787 г. с целью умиротворения ненастья, обуревавшего Церковь в период иконоборчества, II Никейского Собора. Император представлялся, таким образом, штурманом государственного корабля, на борту которого нашла прибежище христианская Церковь.

and Eusebius. Cambridge, 1981. P. 28–33; *SeeK O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. B. I. Stuttgart, 1895. S. 42–76.

¹⁰ Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 50–51.

¹¹ *Rahner H. Symbole der Kirche. Die Ekklesiologie der Väter*. Salzburg, 1964. S. 322–323.

¹² СЈ III, 1, 14, 1.

¹³ *Theophanes continuatus* / Hrsg. von I. Bekker. Bonn, 1838. S. 261–262.

Однако Андроник Комнин, по свидетельству Никиты Хониата, не удовлетворялся ролью кормчего и претендовал на большее. Когда в 1182 г. в лагерь пафлагонской армии Андроника Комнина, наступавшего на Константинополь, прибыл перешедший на его сторону Андроник Ангел, Андроник Комнин ничтоже сумняшеся процитировал ему евангельские слова: «Се, Аз посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою» (Мк 1:2; Мал 3:1, парр.)¹⁴. События, сопровождавшие царствование Андроника Комнина и его свержение Исааком Ангелом, были хорошо известны современникам в Западной Европе. Об этих событиях, например, писал пикардийский рыцарь Робер де Клари — участник Четвертого Крестового похода и завоевания Константинополя в 1204 г.¹⁵ Эти события подпитывали ностальгию по эпохе Константина Великого, которая сочеталась в рыцарской литературе с мечтами о новых Крестовых походах на Восток.

Конец ознакомительного фрагмента

¹⁴ Nicetae Choniatae Historia... P. 246, 4–7.

¹⁵ *Clari R., de. La Conquête de Constantinople / Ed. par P. Lauer. Paris, 1956. P. 20–28.*